

Настоящий интеллигент

УДК 78.071.2

С Львом Моисеевичем Мирчиным я был знаком со времени своего приезда в Свердловск в 1952 году. Но наше знакомство носило некоторый односторонний характер: я его знал, а он меня нет. Это несколько необычное положение нуждается, вероятно, в разъяснении.

Лев Моисеевич после окончания Московской консерватории по классу профессора Л.М. Цейтлина был годом раньше приглашён в Свердловск в качестве концертмейстера симфонического оркестра и солиста филармонии, я же приехал поступать на первый курс консерватории после окончания Краснодарского музыкального училища. То есть, мы были на совершенно разных, противоположных профессиональных и социальных полюсах. Мой педагог по классу альты Г.И. Теря меня иногда, ещё на первом курсе, брал с собой в оркестр для «уплотнения» группы альтов при гастролирующих солистах или дирижёрах, и тогда я узнал, кто есть кто, то есть кто такой концертмейстер оркестра. Он же, скорее всего, меня не замечал, или не обращал внимания на эпизодически появляющегося альтиста в группе.

Старшие коллеги мне тут же рассказали историю появления Мирчина

в оркестре. Это было так давно, что, скорее всего, никто об этом и не помнит, или история, как бывает со многими оркестровыми байками из области устного фольклора, обросла новыми подробностями. Я её изложу в таком виде, в каком узнал её и запомнил, тем более что она во многом является штрихом к портрету Льва Моисеевича.

Итак, в оркестре было известно, что М.И. Паверман пригласил двух скрипачей – выпускников Московской и Киевской консерваторий. В день первой репетиции после отпуска оркестр, в особенности струнники, с любопытством ждали появления новых музыкантов. Появился элегантный молодой человек с кожаным скрипичным футляром на ремне через плечо. Он встал в углу, взял скрипку и стал наигрывать разные сложные пассажи и отрывки из известных этюдов и скрипичных концертов. Появился и второй скрипач, менее яркой внешности, тоже стал настраиваться и тихо разыгрываться. Потом пришёл Марк Израилевич, пригласил скромного молодого человека за первый пульт и познакомил оркестр с новым концертмейстером, и другого скрипача назначил ответственным на втором или третьем

пульте первых скрипок, точно уже не помню.

Таким был Лев Моисеевич – тихий, скромный, без внешних эффектов, но с достоинством и профессионально выполнявший свою нелегкую работу. Ему не нужно было «завоевывать авторитет», он очень скоро снискал уважение и признание всего коллектива. За его спиной вся струнная группа, да и остальные музыканты оркестра, чувствовали себя уверенно, как за защитной стеной.

Он был всегда уравновешенным, спокойным, никогда не вступал в пререкания с дирижёром, в отличие от многих других музыкантов, особенно духовиков. Нередко дирижёры сами советовались с ним по поводу штрихов или иных исполнительских деталей; его ответы были всегда деловыми и профессиональными. Он никогда не повышал голоса, не нервничал, не суетился; замечания музыкантам, в случае необходимости, делал всегда вежливо, в виде предложения, а не в виде указания или требования.

Лев Моисеевич был отличным скрипачом, исполнителем высокого профессионального уровня. У него был красивый благородный звук, красивое ведение смычка, отточенная техника и левой, и правой руки. Он, правда, никогда не показывал образцы яркой виртуозной техники, но что бы он ни играл – сольные места в оркестровой литературе, в сольных выступлениях, в квартете – всё у него

«выходило», всё у него отлично получалось.

Он был человеком разносторонне образованным и начитанным, владел интересной литературной библиотекой, был и увлечённым филателистом. Он собрал интересную тематическую коллекцию марок по живописи, не помню только, какого временна-направления, так как я этим не «болел». Интересовался он, естественно, и современной музыкой. В качестве ведущего скрипача квартета имени Мясковского он переиграл, кажется, все квартеты этого композитора.

Помню, в конце 50-х годов появился в продаже клавиш скрипичного концерта Шостаковича. Мы были тогда с оркестром на гастролях (кажется, в Омске) и купили эту новинку, до тех пор только слышанную. Я с некоторыми опасениями предложил Мирчину сыграть Пассакалью (на более сложный аккомпанемент я, в силу своей ограниченной фортепианной техники, не отважился), и он согласился. То есть ему было важно и интересно сыграть и познакомиться с новым сочинением, независимо от качества аккомпанемента.

Впоследствии он этот концерт с большим успехом сыграл с симфоническим оркестром. Меня к тому времени в Свердловске уже не было, и я на концерте не присутствовал, но совсем недавно мой давний ученик и друг Владимир Петрович Чижов в письме поведал о пережитом им эмоциональном и эстетическом потрясе-

нии, которое он испытал на этом концерте, оказавшем влияние на его дальнейшую музыкантскую жизнь. Я же хорошо помню его (кажется, первое) выступление с оркестром со скрипичным концертом Глазунова – тоже очень успешное и впечатляющее. В камерном репертуаре особо запомнилось исполнение фортепианных квинтетов Шумана и Дворжака с Е.А. Левитаном¹ и Н.Г. Панковой².

Переезд Л.М. Мирчина в Израиль в начале 90-х годов многое изменил в его жизни, как и у всех нас. Но основные духовные и профессиональные ценности остались неизменными. Поступить в оркестр, соответствующий его профессиональному уровню (в Тель-Авиве, Иерусалиме), он не мог – к аудиции не допускались и не принимались люди пенсионного или предпенсионного возраста; то же и в соответствующих учебных заведениях – академиях или колледжах, тем более без знания языка. Но сидеть без дела, проводя дни на дворовой скамеечке, как многие в его возрасте, он тоже не мог. Некоторое время он был концертмейстером в небольшом симфоническом оркестре при Израильском женском обществе в Тель-Авиве, который вскоре прекратил своё существование из-за отсутствия спонсоров.

Потом я его встретил несколько неожиданно. В центре Тель-Авива есть небольшая пешеходная улица, закрытая для транспорта, – нечто вроде Арбата в Москве, – где по втор-

никам и пятницам художники, ювелиры, скульпторы, стеклодувы и прочие ремесленники выставляли на продажу свои изделия. Контора, в которой я работал, находилась неподалеку, и я иногда там прогуливался. Как-то раз я там услышал звуки струнного квартета, подошёл и увидел играющего Мирчина. Признаться, я был несколько шокирован: как это – такой музыкант, профессор, и играет на улице, на базаре. Видя мое смущение, Лев Моисеевич сказал просто: не так важно где играть, важнее, как и что играть. Тем более, что эти выступления финансировались городским управлением культуры. А открытые футляры, куда слушатели бросали монеты, тоже ничего зазорного не представляют, каждый здесь продает свой труд. В принципе всё правильно. А деньги, и вообще заработки, были не лишние, ведь на социальном пособии особенно не разгуляешься. Но не это было первопричиной его поисков, а неизменная потребность в профессиональной деятельности, пусть и иного, чем раньше, уровня.

Потом Лев Моисеевич поступил на работу в музыкальную школу, где вёл класс скрипки. В этой школе он ежегодно давал сольные концерты с серьёзными программами. Концерты эти были бесплатные, аккомпанировали ему серьёзные профессиональные пианисты. Он нас всегда извещал об этих концертах, и мы их не пропускали. Публики бывало не много – в основном знакомые и друзья из

прежних времён, иногда забредали туда и его ученики или их родители. Эти концерты нужны были, в первую очередь, ему самому для сохранения своего профессионального уровня и чувства самоуважения.

Мирчины жили вместе с семьёй старшей, кажется, дочери. Мы бывали у них дома, они приходили к нам. Они, как и мы, старались сохранить привычный образ жизни. Лев Моисеевич небезуспешно осваивал иврит, читал, слушал музыку, много ходил пешком.

Он тяжело перенёс смерть жены, хотя изо всех сил старался справиться морально и физически с этим ударом судьбы. Пережил он её не много. Его уход из жизни был тяжело воспринят всеми, кто его знал и уважал.

Для нас Лев Моисеевич навсегда останется в памяти как добрый друг, прекрасный музыкант и удивительно тонкий человек из породы тех, о ком говорят – настоящий интеллигент.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Левитан Евгений Александрович – пианист и педагог, ученик Б.С. Маранц и С.Г. Нейгауза, заслуженный деятель искусств РФ, профессор, заведующий кафедрой специального фортепиано Челябинского государственного института культуры. С 1973 по 2005 работал в УГК, заведовал кафедрой специального фортепиано (1996–2005).

2. Панкова Наталия Георгиевна – пианистка и педагог, ученица А.Г. Рубаха, В.В. Горностаевой и Е.В. Малинина, лауреат международного конкурса пианистов им. Бетховена (Вена, Австрия, 1977), народная артистка России, профессор кафедры специального фортепиано УГК.

